

митрополитъ Самсонъ спѣшилъ постройкою новаго величественнаго собора, который-бы всегда служилъ памятникомъ торжества христіанства надъ язычествомъ и магометанствомъ въ здѣшней темной странѣ. Дѣло начато было имъ, дѣйствительно, широкое, требовавшее значительныхъ денегъ, а между тѣмъ на лицо ихъ было мало. Еще на пути въ Астрахань, въ бытность свою въ Москвѣ, митрополитъ Самсонъ изъ Приказа Казанскаго Дворца получилъ тысячу рублей серебромъ изъ тѣхъ 10,000, которые собраны были митрополитомъ Савватіемъ во время чумы; да по прибытіи въ Астрахань выдано было ему по грамотамъ изъ того-же Приказа Казанскаго Дворца двѣ тысячи девять сотъ девяносто шесть рублей, шестнадцать алтынъ и четыре деньги, а всего 3996 рублей 16 алтынъ, 4 деньги; но эта сумма была слишкомъ незначительна и не соразмѣрна съ тѣми расходами, которые приводилось дѣлать. Эти деньги нужно было употреблять и на уплату подрядовъ, которые сдѣланы были еще преосвященнымъ Савватіемъ за бутовый камень, кирпичъ, желѣзо, известь и др. и кромѣ того употреблять на нужды по содержанію Архіерейскаго дома, который не обезпечивался достаточно средствами, находившимися въ распоряженіи Астраханскихъ іерарховъ, на что жаловался и митрополитъ Савватій и митрополитъ Самсонъ. Пособія для постройки новаго собора со стороны правительства ожидать было нельзя, въ то особенно время, когда шла великая сѣверная война, требовавшая огромныхъ расходовъ, когда производились реформы, заводились новые порядки, являлись различныя новыя учрежденія, которыя также требовали много денегъ, а между тѣмъ государственная казна не была въ то время богата деньгами.

(Продолженіе будетъ).

Я. Лебединскій.

Разныя Извѣстія.

Письмо въ редакцію. Въ редакціи „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ получено письмо слѣдующаго содержанія:

Милостивѣйшій Государь, Г. Редакторъ!

Во время путешествія моего, въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ, во святѣмъ мѣстамъ, Промыслу Божию угодно было спасти чудеснымъ образомъ жизнь мою отъ неминуемой гибели, во время взрыва на волгѣ парохода Каменскихъ „Іоанич“, и я просилъ-бы Васъ, дать мѣсто на страницахъ редактируемой

Вами газеты, описанію этого необыкновеннаго въ моей жизни событія, которое совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Побывавъ въ Кіевѣ, Москвѣ и Троицко-Сергіевской Лаврѣ, поклонившись тамъ мощамъ святыхъ угодниковъ Божиихъ, я 23 іюня въ Нижнемъ-Новгородѣ сѣлъ на пароходъ братьевъ Каменскихъ „Іоаннъ“, чтобы плыть въ Пермь, для свиданія съ живущею тамъ своею племянницею. Я помѣстился на одной изъ скамеекъ верхней палубы, въ кормовой части парохода. Въ 11 часовъ утра пароходъ „Іоаннъ“ отошелъ отъ Нижегородской пристани; спустя минутъ десять, отошелъ отъ той-же пристани Самолетскій пароходъ „Ратьковъ-Рождновъ“. Последній шелъ по одному направленію съ нашимъ пароходомъ и, имѣя силы гораздо превосходище нашего парохода, сталъ нагонять насъ. Пароходъ „Іоаннъ“ ускорилъ ходъ; замѣтно было какое-то суетливое движеніе служащихъ на пароходѣ; пароходъ судорожно дрожжалъ; изъ машины клубомъ валилъ паръ. „Мнѣ кажется что пароходъ идетъ какъ-будто скорѣе обыкновеннаго, — что это за тряска?“ Обратился я съ вопросомъ къ сосѣду своему доктору. „Это всегда бываетъ такъ, сказалъ онъ, когда пароходъ отходитъ отъ пристани; а тряска зависитъ отъ особаго устройства машины низкаго давленія“. Утомленный безпокойною вѣдою по желѣзнодорожью и не спавъ наканунѣ всю ночь, я легъ на скамью. „Ну слава Богу, думалъ я, теперь могу спокойно отдохнуть, нечего опасаться за свою жизнь, какъ я опасался на желѣзныхъ дорогахъ“. Съ этою мыслию я заснулъ. Между тѣмъ пароходъ „Ратьковъ-Рождновъ“ сравнялся съ нашимъ пароходомъ, какъ вдругъ на пароходѣ „Іоаннъ“ последовалъ взрывъ лѣваго котла, „Ратьковъ-Рождновъ“ далъ задній ходъ, чтобы спасти пассажировъ, какъ последовалъ второй громовой взрывъ средняго котла, а за тѣмъ палуба парохода, труба, мачта, пассажиры, дрова и разные предметы, бывшіе на пароходѣ „Іоаннъ“, полетѣли въ верхъ въ кипящихъ клуба пара, дыма и огня, нѣсколько полѣньевъ дровъ и почти вся кухонная посуда парохода „Іоаннъ“ перелѣтела на пароходъ „Ратьковъ-Рождновъ“ и пробила во многихъ мѣстахъ его крышу. Пароходъ „Ратьковъ-Рождновъ“, боясь новыхъ поврежденій, отошелъ отъ погибавшаго парохода и сталъ въ недалекомъ отъ него разстояніи. Я не видалъ этой ужасной катастрофы, а слышалъ рассказъ о ней отъ пассажировъ парохода „Ратьковъ-Рождновъ“. Во время обоехъ взрывовъ парохода „Іоаннъ“, я спалъ на его палубѣ и былъ вмѣстѣ съ нею поднятъ сначала на воздухъ, а потомъ брошенъ въ воду. Очутившись въ водѣ, я сталъ

успешно работать руками и ногами, находясь въ какомъ-то безсознательномъ состояніи. Вотъ до слуха моего дошелъ шумъ, стоны, плачь; мимо меня проплыла женщина вся въ крови, съ разсѣченною головою; это вывело меня изъ оцѣпенѣнія, я только тогда понялъ свое опасное положеніе, Осмотрѣвшись кругомъ, я увидѣлъ въ полуверстѣ ниже меня безъ трубы, безъ мачты несчастный пароходъ „Іоаннъ“, кругомъ его плавало множество обломковъ, багажа и людей. Два Самолетскихъ парохода стояли въ противоположной отъ меня сторонѣ. Схватившись за двѣ плившія доски около меня, я направился къ пароходу „Іоаннъ“, Минуть пять доски поддерживали меня на водѣ, но потомъ я сталъ опускаться въ воду, особенно мѣшали мнѣ сапоги, которые при каждомъ моемъ ударѣ ногами тянули меня внизъ и которыхъ, не смотря на всѣ усилія, я не могъ снять. Бросивъ доски и собравъ послѣднія силы, я направился къ огромному плывущему тюку, два раза я хватался за него, но такъ-какъ онъ былъ болѣе чѣмъ на аршинъ выше надъ водою и не имѣлъ ничего выдающагося, то оба раза выскользаль изъ моихъ рукъ. Потерявъ послѣднюю надежду на спасеніе и совершенно выбившись изъ силъ, я два раза погружался въ воду; до парохода оставалось сажень двадцать. Находясь въ такомъ безнадежномъ положеніи, я обратился съ молитвою къ Вожіей Матери и угодникамъ Вожіимъ: Николаю Чудотворцу, Сергію Радонежскому и святителю Павлу Тобольскому. Не успѣлъ я окончить молитвы, какъ кабая-то не естественная сила бросила меня впередъ къ пароходу и я оказался на обломкахъ, прибившихся съ лѣвой стороны парохода, откуда и былъ вытасненъ неизвѣстною мнѣ женщиною на решетчатую постилку парохода—около кожуховъ. Лишь только я всталъ на ноги, какъ огромное бревно ударило меня въ високъ, я упалъ и потерялъ сознаніе. Сколько времени я пролежалъ въ безчувственномъ положеніи, опредѣлить не могу; когда-же я пришелъ въ сознаніе, то почувствовалъ боль въ боку: какой-то матросъ толкалъ меня въ бокъ съ словами: „вставай, пароходъ тонетъ“. Я тотъ-часъ вскочилъ на ноги и взобрался на капитанскій мостикъ; пароходъ „Іоаннъ“ все ниже и ниже опускался въ воду. „Ну думаю, избѣжалъ одной смерти, не избѣгну теперь другой“. На мостикѣ, кромѣ меня, было человекъ тридцать пассажировъ; но какой страшный и жалкій видъ имѣли они: израненные, обваренные, изкалѣченные: у нѣкоторыхъ были переломлены руки, ноги; другіе лежали безъ признаковъ жизни; раздрающій душу стонъ, плачь, слышался между ними. „Дѣти мои, дѣти, онѣ остались въ каютѣ! Спасите ихъ“.

слышался женский голос. „Я потерял жену, что будет со мною, она осталась в буфетѣ“, говорил со слезами содержатель буфета. Одинъ изъ пассажировъ былъ весь в стеклахъ: во время взрыва парохода его бросило въ люкъ 1-го класса. Совершенно невредимыхъ пассажировъ я не видѣлъ, а получившихъ легкія увѣчья было человекъ шесть. „Пароходъ больше не опустится, онъ всталъ на мель, да вотъ идетъ и лодка“, говорилъ обращаясь къ намъ по видимому одинъ изъ служащихъ на пароходѣ. Дѣйствительно, вблизи показалась съ матросами лодка, на которой все мы и были перевезены на пароходъ „Ратьковъ-Рождновъ“. Вошелъ в каюту 2-го класса, я упалъ на колѣна предъ иконою и со слезами благодарилъ Господа за свое спасеніе. Затѣмъ я почувствовалъ что-то теплое на груди, подошелъ къ зеркалу и испугался самаго себя: лѣвый мой високъ былъ расцѣченъ, изъ него лилась кровь на грудь; лицо все изцарапано; подрясникъ весь в клочкахъ. „Батюшка, вы можете отправлять свою обязанность“, обратился ко мнѣ машинистъ парохода „Ратьковъ-Рождновъ“. „Да, отвѣчалъ я, если только въ такомъ видѣ признаютъ меня за священника“. Прочитавъ наизусть положенныя молитвы, я принялъ исповѣдь умирающихъ. Затѣмъ—спустившись опять в каюту 2-го класса, почувствовалъ сильную боль в лѣвой рукѣ, которая оказалась вывихнутою в плечѣ. Какой-то молодой человекъ, по видимому докторъ, вправилъ мнѣ ее и забинтовалъ, затѣмъ наложилъ повязку и на високъ. Послѣ перевязки со мною сдѣлался сильный ознобъ, мнѣ дали рому, перемѣнили мокрое бѣлье, завернули в коверъ и я заснулъ. Проснувшись утромъ 24 іюня, я не могъ понять—гдѣ я нахожусь и только—страшная боль в головѣ и рукѣ, напомнила мнѣ о страшной вчерашней катастрофѣ. Я ѣхалъ в Казань, на мнѣ было только бѣлье и изорванный подрясникъ; весь багажъ мой потонулъ. Что буду дѣлать я, какъ доѣду безъ средствъ до Астрахани. Но Господь Богъ и въ это время не оставилъ меня Своею помощію. Приѣхавъ 24 іюня въ 2 часа дня, в Казань, я вспомнилъ о профессорѣ Казанской духовной академіи о. Евоніиѣ Маловѣ, котораго я зналъ по статьямъ, помѣщавшимся въ Православномъ Собесѣдникѣ; мнѣ указали его квартиру. О. Евоніиѣ принялъ меня радушно и далъ мнѣ на дорогу необходимое—священническую рясу. 25 іюня, благодаря агенту Самолетскаго Общества в Казани и капитану парохода „Астрахань“ г. Арсѣеву, я бесплатно доѣхалъ до Астрахани. Рана на головѣ зажила, только по временамъ боль в лѣвой рукѣ напоминаетъ мнѣ о страшномъ событіи 23 іюня. Такъ Господь Богъ по мо-

литвамъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ: Николая Чудотворца, Сергія Радонежскаго и Павла Тобольскаго, избавилъ меня отъ смерти тамъ, гдѣ погибли сотни людей.

Священникъ Астраханской градской Іоанно-Златоустовской церкви

Павелъ Васильковскій.

По поводу похоронъ покойниковъ безъ отпѣванія.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ указамъ: а) отъ 12 іюля 1862 года за № 3488, по поводу статьи Флоренсова подъ заглавіемъ „похороны безъ отпѣванія“, въ которой описанъ случай погребенія одной женщины, въ Миусскомъ округѣ войска Донскаго, безъ священно-церковно-служителей, предписалъ преосвященному Донскому сдѣлать немедленно подлежащее распоряженіе по настоящему предмету сообразно слѣдующимъ соображеніямъ Святѣйшаго Синода: обычай хоронить умершихъ безъ отпѣванія, вредный уже самъ по себѣ, какъ уклоненіе отъ устава церковнаго, долженъ возбуждать особенную заботливость духовнаго начальства объ устраниніи всѣхъ тѣхъ поводовъ, которые поддерживаютъ этотъ обычай. И если похороны безъ отпѣванія преимущественно бывають отъ дальности разстоянія посельсь въ Донской епархіи отъ приходскихъ своихъ церквей, то, независимо отъ старанія епархіальнаго начальства о преумноженіи въ сей епархіи церквей, необходимо принять другія мѣры къ тому, чтобы исполненіе прихожанами духовныхъ требъ не встрѣчало особенныхъ затрудненій. Необходимо также, чтобы и мѣстное духовенство постоянно ввухало своимъ прихожанамъ объ обязанности исполненія всѣхъ обрядовъ православной церкви, и о всякомъ случаѣ, подобномъ самовольному погребенію умершихъ, доносило епархіальному начальству для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій, и б) отъ 28 августа 1862 года за № 4351, далъ знать преосвященному Донскому къ должному и непремѣнному исполненію, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленныхъ тѣмъ преосвященнымъ свѣдѣній по содержанію статьи Флоренсова „похороны безъ отпѣванія“, въ 6-й день августа 1862 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: „подтвердить Донскому преосвященному и мѣстному начальству о наблюденіи, чтобы не было допускаемо погребеніе умершихъ безъ отпѣванія. По содержанію сихъ двухъ указовъ Св. Синода сдѣлано было Донскою консисторією въ 1862 году распоряженіе, чтобы причты Донской епархіи строго наблюдали, чтобы не было допускаемо самовольнаго погребенія мѣ-